

Людмила Гордеева

Повесть о Петре и Февронии Муромских

16+

Людмила Гордеева

**Повесть о Петре и
Февронии Муромских**

«Автор»

2004

Гордеева Л. И.

Повесть о Петре и Февронии Муромских / Л. И. Гордеева —
«Автор», 2004

Древняя «Повесть о Петре и Февронии» – гимн супружеской любви, жемчужина русской литературы и любимое чтение на Руси в XV-XVI веках, об этом говорят сотни ее списков того времени. Перед вами – современная версия этой повести. В Приложении к книге приводятся и древние ее варианты, а также молитвы святым. Опубликовано: М, «У Никитских ворот», 2008 г. На обложке: современная икона Петра и Февронии Муромских. Софрино. ISBN 978-5-91366-033-6

© Гордеева Л. И., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Предисловие	5
Глава I	8
Глава II	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Предисловие

Историческая справка. Легенда и быль

Первоначально «Повесть о Петре и Февронии Муромских» появилась как народная легенда. Это произошло не позднее середины XV века, так как именно к этому времени сложился церковный культ муромских угодников. Повесть со временем подвергалась различным авторским доработкам, в результате чего до нашего времени из средневековья дошло более ста пятидесяти ее списков в четырех основных вариантах. Количество этих списков говорит о большой популярности и самой легенды и ее героев. Один из лучших вариантов повести, созданный в середине XVI века, был написан рукой талантливого средневекового писателя Николая Еразма, что дало основание учёным считать его автором повести.

Муромский князь Петр и жена его Феврония – реальные люди, жившие на рубеже XII–XIII столетия, их мощи многие столетия – до советского времени, – хранились в муромском соборе Рождества Богородицы. Источником сюжета для «Повести» послужила легенда о мудрой крестьянской девушке, ставшей княгиней (село Ласково в пяти километрах от села Солотчи и бывшего Солотчинского монастыря, откуда была родом Феврония, существует и в наши дни). На церковном соборе 1547 года супруги были канонизированы. Известно, что прежде, чем прославить тех или иных лиц, Церковь проводит тщательное расследование их земной жизни и чудес, совершаемых ими после смерти. Следовательно, она располагала необходимыми данными для канонизации чудотворцев Петра и Февронии, отметив точную дату их преставления и прославления – 25 июня (8 июля по новому стилю) 1228 года. Этой канонизации предшествовало посещение Муромца царем всея Руси Иваном IV Грозным. В то время совсем еще юный царь предпринял путешествие по стране с целью поклонения мощам своих святых предков, которыми он считал и князя Петра с супругой. А после Казанского похода 1552 года в благодарность за молитвенную помощь муромских чудотворцев, этот государь приказал возвести в Муроме новый храм, посвященный святым Петру и Февронии, заказал храмовый образ чудотворцев.

Однако исторические источники указывают, что в отмеченное время в Муроме не было князя с именем Петр, а правил князь Давид (1203–1228 г.г.), который неоднократно упоминается в русских летописях и других исторических документах. Он, так же, как и в повести, имеет старшего брата – князя, передавшего ему после смерти свое княжение. Но и брата звали иным именем, чем в повести – Владимиром, а не Павлом. На основании этого некоторые историки подвергают сомнению существование у легенды реальных прототипов, либо относят годы их жизни к более позднему времени, о котором не сохранилось документов. Другие же ученые ссылаются на то, что князьям в то время давали двойные имена.

Существование двойных имен у всех почти князей подтверждается многочисленными летописными источниками. Причем это были не просто имена, взятые с потолка, либо придуманные родителями. Одно из них новорожденному давалось в честь святого, в день памяти которого он родился. Другое имя было родовым – в честь одного из предков ребенка. Эта традиция существовала с древних времен до последних лет правления Рюриковичей. Так, Креститель Руси, великий князь Владимир Всеволодович при собственном крещении получил имя святого Василия. В честь своего небесного покровителя он поставил храм в Киеве, на холме, где прежде стоял идол Перуна. Первый Русский Государь Иоанн III Васильевич, родившийся много позже, в 1440 году, при крещении был наречен Тимофеем, его сын, Государь и великий князь Василий III Иванович был назван при крещении Гавриилом. Не удивительно, что мы знаем их под светскими именами, крестильное же имя, приведенное во многих летописях,

известно лишь специалистам. Но так же не удивительно, что, если бы Церковь решила прославить их в качестве святых, она предпочла бы их христианские имена, данные в честь святых.

Упоминаются в летописях и двойные имена современников муромских святых угодников. Вот как в Типографской летописи говорится о рождении будущего великого князя Владимирского Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1154–1212): «**В лето 6662[1]<...>. Того же лета родися Гюргю сын Всеволод и нарекоша имя емоу во святом крещении Дмитрий**». И именно с этим крестильным именем – Дмитрий, – он запечатлен на фресках Московского Архангельского собора – на северной грани юго-восточного столба рядом с князем Андреем Боголюбским. А на северно-западном столбе того же храма представлены в монашеских одеяниях Петр и Феврония – также под своими церковными именами.

[1] – На Руси до Петра I летосчисление велось по Византийскому календарю – от сотворения мира и отличалось от современного на 5508 лет.

В той же Типографской летописи далее под годом 6698 (1190 г.) читаем уже о рождении сына у самого Всеволода: «**Того же лета родися оу Всеволода Ярослав, рекомый Феодор**». Основателя ветви муромских князей также называли двойным именем: Ярослав – Панкратий Святославович (1096–1129).

Этот список можно продолжать долго. Судя по тому, что сохранившееся в истории имя муромского князя – Давид – тоже было родовым – такое имя носили несколько представителей рода Рюриковичей, в том числе и из муромской ветви, – второе имя Петр было крестильным, в честь святого, в день памяти которого, видимо, родился князь. Неудивительно, что именно оно и закрепилось в православной традиции и в русской литературе. Однако и первое, Петр, не забылось: этим именем (не случайно же!?) князя вновь нарекли перед кончиной – при приятии им монашества.

Вместе с князем Петром постриглась и его супруга Феврония под именем Евфросинии. По преданию, любящие друг друга супруги еще при жизни приготовили для себя общий гроб и приказали похоронить их рядом. Однако муромцы побоялись исполнить их волю, ведь они стали монахами. Княгиню отвезли в женский монастырь, князя положили в отдельном гробу в муромском соборном храме Рождества Богородицы. Однако поутру тела супругов оказались рядом. Их снова разделили, но чудо повторилось. Более уже разлучать их побоялись, похоронили вместе. Первоначально, судя по «Повести», – возле храма Рождества Богородицы. И лишь после прославления в качестве святых, их тела были перенесены в храм. В XVII веке для них изготовили великолепную гробницу, украшенную рельефами и изображениями святых.

После октябрьской революции 1917 года рака с мощами Петра и Февронии оказалась в Муромском музее, а собор Рождества Богородицы, где они покоились несколько столетий, был разрушен. В 1989 году рака была возвращена Церкви и верующим, после чего три года находилась в Муромском Благовещенском соборе. А через несколько лет, 19 сентября 1992 года мощи муромских угодников были торжественно перенесены в женский Свято – Троицкий монастырь, расположенный в центральной части города Мурома. Гробница с мощами была помещена в древнем Троицком соборе (нынешний храм освящен в 1643 году) справа от иконостаса. Над ней устроена резная сень, место украшено замечательными иконами. Сюда и доньше стекаются отовсюду паломники, чтобы поклониться мощам Святых благоверных Петра и Февронии, которые, по данной им от Бога благодати, являются покровителями любви и христианского брака. Их же просят люди о помощи в поиске супруга, в деторождении. Нередки случаи исцеления людей, молившихся о здоровье у их гробницы, случаются и иные чудеса.

По преданию, одно из первых широко известных в народе чудес произошло после поклонения преподобным супругам царя Ивана Грозного. Сюда, в Муром, он заехал перед решающим походом на Казань в 1552 году и долго молился перед гробницей святых угодников. Нетрудно догадаться, что молился он покровителям семейного благополучия не только об удаче в походе. Пятый год состоял он в браке с Анастасией Романовой, а сына у него так и не было. Вопрос этот в его семье был, наверняка, весьма болезненным, ведь у его отца Василия III более двадцати пяти лет не было детей, что породило немалые проблемы и слухи. И вот, после возвращения из Казанского похода царя ожидало счастливое известие: его супруга родила сына Дмитрия. А после его нечаянной гибели, словно в утешение, в 1554 году родила и другого сына – Ивана. Очевидно, по обету, данному во время моления святым, царь прислал вскоре в Муром артель мастеров, которые возвели над мощами Петра и Февронии новый каменный храм Рождества Богородицы. Поставили они в Муроме и несколько других храмов.

Известно немало других случаев исполнения просьб верующих, обращенных к святым угодникам Петру и Февронии.

День прославления святых Петра и Февронии – 25 июня по старому стилю или 8 июля по новому стилю, – по решению светских властей с 1992 года празднуется как День города Мурома, одного из древнейших в России, – Муром впервые упоминается в «Повести временных лет» вместе с Новгородом под 862 годом.

24 ноября 2003 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Совет региональной организации «Народный клуб «Семья» учредил общественный «Орден Святых благоверных Петра и Февронии Муромских». Орден вручается в День памяти Святых российским и зарубежным гражданам и организациям за значительный вклад в укрепление института семьи, за верность, милосердие и подвиг в области семейно-брачных отношений. Указом президента В. В. Путина год 2008 объявлен годом семьи, что тоже говорит о важности семейных отношений в нашем обществе.

Предложенный автором вариант «Повести о Петре и Февронии» не отступает от традиционного сюжета. Это, однако, не помешало значительно расширить объем повести, для чего были использованы и исторические документы, личности, древние литературные произведения. Например, «Свадебный чин» из древнего досильвестровского «Домостроя». Детали, однако, не должны были затмить сути подвига святых, их верности друг другу, потому сведены до минимума описания окружающих их декораций, лиц, одежды и прочего, не важного для сюжета. Сделано все это с одной целью – донести до наибольшего круга читателей повествование о подвиге святых благоверных Петра и Февронии, напомнить о важности для каждого человека счастливой семейной жизни.

В Приложении к этой книге даны древнейший список повести о Петре и Февронии на старом русском языке и перевод ее в изложении средневекового писателя Ермолая Еразма. Тут же помещены их жития, молитвы им, и статья авторитетнейшего академика Д. С. Лихачёва, разъясняющая нам суть подвига муромских святых.

* * *

Глава I

Страшный гость

В тот вечер муж показался княгине Муромской необычайно взволнованным и непривычно суетливым. Он появился в ее комнате без стука, словно разом возник из ниоткуда, так, что, заметив его, служанка Елена вздрогнула и выронила расческу, которой укладывала волосы госпожи.

По обычаю, отстояв небольшую вечернюю службу в домовом храме, княгиня отправилась в свои покои готовиться ко сну и теперь, уже одетая в ночную рубашку, сидела в резном креслице перед туалетным столом, на котором стояла новинка – овальное зеркало в золоченой оправе. На его бронзовой, отполированной до блеска поверхности, она видела свое удлинненное лицо необычайно смуглого оттенка, совсем непохожего на настоящий цвет кожи. Зеркальце размером чуть больше ее лица привез княжеский казначей из Новгорода Великого, с весенней ярмарки, куда, сказывают, съезжались купцы со всей Европы. И вот уже несколько дней княгиня с боярынями по очереди, а то и вместе глядели то в него, то друг на друга, сравнивали, обсуждали и пришли к выводу, что зеркало ничуть облик не искажает и даже наоборот, затемняя его слегка, делает более загадочным. Старое зеркало – маленькое и еще более мутное, княгиня перенесла в переднюю комнату на поставец – там она принимала гостей и могла теперь в любое время, взглянув на него, оценить свой внешний вид.

Супруг, возникший неожиданно и бесшумно возле двери, будто удивившись присутствию служанки, сделал нетерпеливый знак рукой, чтобы та поторопилась. Поток воздуха колыхнул пламя многочисленных свечей, и на стене дрогнули уродливые тени присутствующих. Испуганная неожиданным появлением господина, Елена, дрожащей рукой завершив начатое дело, быстро поправила пышные подушки и, откинув уголок одеяла на широкой постели под альковом, торопливо выскользнула из комнаты. Вечерний гость плотнее прикрыл за ней дверь и обернулся к княгине, которая всегда была рада видеть у себя весьма занятого обычно князя Павла. Она улыбнулась ему и кивнула в сторону стоящего рядом стула:

– Располагайся, друг мой, я не ожидала, что ты так быстро обернешься. Доволен ли ты поездкой?

Ее супруг еще два дня назад, едва рассвело, отправился с младшим братом Петром и небольшой дружиной в гости в соседнюю Рязань по приглашению тамошних князей – договариваться о походе на волжских болгар. Такие поездки занимали обычно не менее трех дней, ибо переговоры сопровождались продолжительными дружескими застольями, выездами на охоту, ожиданием прибытия других князей.

Вместо ответа супруг придвинул к ней свой стул, и глаза его необычайно сверкнули. Он погладил ее по волосам, прикоснулся к шее, рука его скользнула под распахнутый кружевной ворот ночной рубахи, припала к груди. Эта рука, касаясь ее, будто волшебством, зажигала тело незнакомой прежде страстью, кровь ударила в голову, потом отхлынула вниз, под живот, в глазах потемнело, грудь, каждая клеточка кожи возжелали новых таких же прикосновений.

От стыда за столь греховные свои помыслы, княгиня покраснела и замерла, боясь даже себе признаться в возникшем вдруг неодолимом похотливом желании. А он, не встречая сопротивления, все смелел, движения его рук становились все увереннее, ее ночная сорочка уже мешала ему.

Они были женаты давно, но ничего подобного прежде княгиня не испытывала. Их супружеские отношения были чинными, традиционными, более даже дружескими, чем страстными. Муж был много старше ее. Он заходил в ее палаты каждый вечер, они беседовали о прошедшем дне. Один – два раза в неделю супруг являлся к ней уже в ночном одеянии через внутренние

двери, соединявшие крытым переходом их покои, и оставался на ночь, предварительно сняв халат и ночную рубаху и аккуратно разложив их на широкой лавке, стоящей прямо подле кровати. Во время поста они и вообще ограничивались лишь нежным поцелуем.

Теперь князь был словно другим, и она боялась взглянуть на него, хотя и изнемогала уже от желания. Он поднял ее со стула, прижал к себе и издал стон, похожий на рычание. Она вдруг вспомнила, что, явившись к ней сегодня, обычно разговорчивый супруг не изрек еще не единого слова. Но и сама она была сегодня совсем другой, чем прежде, оттого, тут же, забыла свое удивление и вновь превратилась в одно лишь желание.

Не выпуская ее из рук, он придвинулся к большому подсвечнику возле стола и задул одним дыханием сразу все свечи, остались гореть лишь две у изголовья постели. Уже в полутьме стянул с ее плеч рубаху, и та упала на пол. Одним движением, непонятно как, стряхнул одежду и с себя, и уже через мгновение они оказались в постели на прохладных льняных простынях. И тут только она наконец-то решилась взглянуть на мужа, который уже овладевал ею и вновь издавал стоны, похожие на рычание. Но перед глазами ее будто стояла пелена от слез страсти, она и сама неожиданно застонала, едва не теряя сознание от впервые испытанного потрясения. И вновь глянула на супруга, который в тот момент зарычал громче прежнего. Неожиданно она увидела перед собой беса с горящими глазами, черного, жуткого, с волосатым покрытием на лице. Ужас охватил ее, и она закричала, что было сил, но вместо крика из ее горла вырвался лишь тихий хрип, и княгиня действительно потеряла сознание.

Очнулась одна, в тишине, в своей постели, в опочивальне по-прежнему горели две свечи. Она огляделась по сторонам, ощупала соседнюю подушку, которая была помята и хранила еще следы чужого присутствия. Княгиня вскочила, взяла лучину и зажгла вновь все свечи, почему-то заглянула под кровать. В спальне никого кроме нее не было. Кинулась к иконам, начала молиться, просила у Господа прощения, разрыдалась. Она уже поняла, что согрешила вовсе не с мужем, а, скорее всего, с посланником самого дьявола. Но, тут же, вспомнила пережитые ощущения и, вопреки ее воле, мыслям, ею начало овладевать желание вновь испытать эту неземную страсть. Княгиня поднялась с колен, обошла все свои комнаты, выглянула из двери опочивальни в переход – везде было пусто. Дверь в покои мужа была заперта. Побродив по терему и успокоившись, она вернулась в постель и довольно быстро уснула. Утром узнала, что князь Павел из Рязани еще не воротился.

Оставшиеся дни до его приезда прошли в смятении. Она приказала слугам, чтобы немедленно доложили ей, как только муж сообщит о своем прибытии, либо явится лично. Мучительно думала, как рассказать ему о свершившемся грехе и надо ли вообще говорить об этом. До сих пор никаких тайн от супруга у нее не было. Но ведь этот случай был особенным, и рассказ о нем мог разрушить их добрые отношения. Она говорила себе, что не виновата в свершившемся грехе, что не собиралась изменять князю. Но ведь «это» случилось? Значит, надо покаяться! Но надо ли?

Она никому пока не сказала о происшедшем. Видевшая ночного гостя служанка ни о чем не спрашивала, возможно, решила, что это действительно был князь Павел, каким-то образом прибывший на краткое время домой. Княгиня же томилась своими сомнениями и ожиданием. Она чувствовала, что ночной гость явится снова. Сначала уверенно решила, что как только это произойдет, она поднимет крик, шум, разбудит слуг и ни за что не позволит ему приблизиться к себе. Потом вспомнила, с кем имеет дело, и поняла, что если он захочет, сможет применить свои бесовские чары, и она либо онемееет, либо вообще потеряет возможность сопротивляться. Эта мысль приходила все чаще, по мере того, как проходило время, и она все чаще вспоминала о его прикосновениях и их невероятном воздействии на ее тело. Страсти закипали в ней, ей чудилось, что он уже рядом, временами ей даже хотелось, чтобы он был рядом. Она начинала молиться и каяться, но плоть не слушалась ее и требовала пережитого однажды удовольствия.

По вечерам, а порой и долгими ночами княгиня прислушивалась к каждому шороху за дверью, и чем дольше «Тот» не являлся, тем спокойнее она относилась к мысли, что он должен таки снова прийти к ней. В конце концов, не прошло и трех дней, как она уже нетерпеливо ждала своего страшного ночного гостя.

Но приехал князь Павел. Она сама догадалась об этом по шуму во дворе, топоту копыт, по разлетевшимся по палатам многочисленным звонким голосам. Она поспешила во двор встречать мужа, спустилась по лестнице с золоченого верхнего крыльца своего терема прямо во двор, и Павел радостно обнял ее прямо у входа. Он хорошо провел время, он любил свою жену и был счастлив, что все у него в порядке. За обедом весело рассказывал, чем занимался в Рязани, где побывал, о чем договорился с родичами – князьями. А вечером явился к ней в опочивальню, когда она уже осталась одна.

Княгиня ждала мужа, но в первые минуты сомнения все-таки одолевали ее. Павел ли это? Огоньки свеч отражались в его глазах, скользили бликами по лицу и одежде, и он на какое-то мгновение показался ей чужим, «Тем». Но князь неторопливо снял с себя одежду, аккуратно разложил ее на лавке и когда спокойно улегся рядом с ней на постели, княгиня уже была уверена, что это ее супруг. Его прикосновения были знакомы, приятны, но не обжигали страстью, не кружили голову, не будоражили кровь, не доводили до стога. Он традиционно посетовал на то, что Бог не дает им наследника, и выразил надежду, что уж на этот раз его усилия окажутся не напрасными. Княгиня поддакнула ему и ласково обвила мужа руками. Так, обнявшись, они и заснули. Рассказывать о страшном своем госте она не решилась. Надеюсь, что все обойдется.

Но не обошлось. В следующий вечер явился «Тот». Поначалу княгиня не догадалась об этом. Они со служанкой за туалетным столиком раскладывали по коробочкам украшения и отбирали те, что требовали ремонта. Вновь явившись неслышно, будто из воздуха, гость сел напротив нее в кресло возле туалетного стола, вытянул ноги. Поначалу она не сомневалась, что это князь Павел, ибо он был в обычном своем расшитом кафтане с серебряными пуговицами, в удобных коротких сапогах, которые носил дома, темно-русская его небольшая бородка была аккуратно расчесана, глаза были прикрыты и едва привлекали к себе внимание.

Служанка немедленно отклонялась, но тут же, следом, постучав, явился младший брат супруга Петр – по заведенному правилу пожелать княгине спокойной ночи. Веселый и улыбающийся, молодой князь прямо с порога поклонился сначала княгине:

– Будь здорова, сестрица, отдыхай спокойно, – затем обернулся к брату, – и тебе, братец, еще раз здравия желаю. Только не пойму, как это ты опередил меня, я же вроде только что от тебя вышел и никуда не заходил?

Заметив, что брат не очень доволен его появлением и продолжает молчать, Петр воскликнул:

– Ах, да, я ведь останавливался, слуге распоряжения давал! Видно и проглядел тебя. Впрочем, это неважно. Кланяюсь.

Он еще раз прямо у порога тряхнул своими русыми кудрями и удалился, плотно прикрыв за собой дверь.

– Что ты такой пасмурный, друг мой? – спросила княгиня мужа. – Утомился, или вести нехорошие получил? Знаю, вечером владыка к тебе заходил, небось, снова льгот каких просил или денег на строительство?

Гость как-то странно хмыкнул и в упор глянул на княгиню сверкающими очами. Уже знакомая неземная искра страсти вновь пронзила все ее члены, и все дальнейшее происходило уже вне ее воли, вопреки рассудку, прежним ее планам и угрызениям совести. Она отдалась своему желанию, стонала от удовольствия и уже не испугалась, когда услышала знакомое рычание, и, взглянув на своего партнера, увидела в полутьме его страшный звериный облик. Лишь вновь зажмурила глаза и продолжала плыть в волнах всеохватывающей страсти и восторга.

– Вот ты уже и не боишься меня, – услышала она рядом хриплый незнакомый голос.

Княгиня открыла глаза и вновь увидела рядом с собой лицо супруга. И хотя она уже знала, что это не он, знакомое лицо совсем успокоило ее совесть.

– Почему ты являешься ко мне? – спросила она.

– А сама ты разве не видишь, как нам хорошо? – ухмыльнулся гость.

– Так тебе, наверное, с любой неплохо. Ты же плоть, будто молнией дерево возжигаешь! С такой силищей ты кого угодно одурманить можешь.

– Не скажи. Я хоть и другого обличья, а в чувствах разбираюсь. Мне, может, еще сложнее полюбить, чем вам, людям.

– Зачем же ты меня, замужнюю выбрал, это ж грех великий.

– Ха – ха – ха, – зарычал гость, давясь от смеха. – Да я сам весь есть грех, по-вашему. Мне это только удовольствия прибавляет. А тебя я давно приметил: ты к богослужениям равнодушная, в храм неохотно ходишь, это хорошо!

– Что ты придумал, зверь лютый! – возмутилась княгиня. – Я как все люди, не без слабостей, но от Господа никогда не отстранялась!

– Ну-у-у, – прохрипел гость. – Не поминай Его без нужды! А ты – не как все. Ты – грешница хорошенькая. Я как тебя заприметил, так и воспылал весь. Не поверишь, долго следил за тобой, не решался явиться. Я хоть и нелюдь, а насильно навязываться женщине не могу. Мне надо было, чтобы ты по своей воле ко мне припала.

– Так разве ж я к тебе по своей воле? – возмутилась княгиня. – Ты ж обманул меня, мужем моим прикинулся, и теперь вот его лицом прикрываешься!

– У каждого свои хитрости. Мне это больших усилий стоит – под чужой личиной являться. А в моменты страсти я и вовсе не могу чужой облик удерживать – вот и напугал тебя в прошлый раз. А нынче ты меня узнала, не отрекайся, сама на меня кинулась.

Страшный гость добродушно зарычал и снова притянул княгиню к себе. Она хотела оттолкнуть его, возмутиться, закричать, но нечистая сила вновь овладела ею, увлекая в пучину страсти.

* * *

– Ты такая бледная сегодня, – заботливо заметил заглянувший к ней утром супруг. – Не заболела?

– Да-да, мне немного нездоровится, голова... Я, пожалуй, пойду, полежу.

Княгиня, не поднимая на мужа глаз, стгорая от стыда, вернулась в свою спальную, откуда лишь недавно исчез, словно испарившись, ее страшный ночной гость. Но она уже не испытывала никакого отвращения при мысли о нем. Напротив, воспоминания о ночном свидании пробуждали в ней новые нетерпеливые желания.

...Княгиня похудела, осунулась, на вопросы супруга о здоровье отвечала уклончиво, принимала его равнодушно.

Однажды поздно вечером, подойдя к ее опочивальне со стороны своих покоев, князь Павел слышал чужой неприятный голос. Удивившись, он постучал, ибо дверь была заперта изнутри. Голос умолк, а спустя минуту княгиня отворила. Он оглядел спальную, прихожую, заглянул даже в гостиную, но кругом было пусто. Княгиня в небрежно наброшенном ночном платье, словно замороженная, застыла на краешке постели и широко раскрытыми глазами смотрела перед собой в пространство. Князь присел рядом, заглянул в глаза. Она будто не видела его.

– Я слышал только что странный голос. Тут был кто-то?

– Нет. То есть, да... Или...

Княгиня не умела хитрить и никогда прежде не обманывала супруга. И теперь она понимала, что надо сказать правду, что она попала в беду и надо спастись, если только это возможно. Она даже молилась все последние дни, чтобы Господь освободил ее от страшного поклонника, она хотела покаяться духовнику и рассказать ему обо всем, – но боялась сраму, уверяла себя, что все равно никто ей не поверит. Теперь случай был тот самый, когда лгать незачем. Она встряхнулась и резко обернулась к супругу.

– Да, да, я была не одна, спаси меня, я не виновата, он явился ко мне в твоём обличье, я думала, что это ты, супруг мой, разве могла я подумать...

– О чем ты, я не понимаю! О ком ты говоришь?

– Он, змее, посланнике дьявола! Он приходит, будто это и есть ты сам, и я не могу ничего с ним поделать. Я не могу противиться ему.

– Да в своем ли ты уме, княгиня? Так может, и сейчас я – это не я?

– Да нет же, я теперь различаю. Голос другой, сила иная от него исходит, я чувствую теперь это!

– Отчего же не прогнала его? Отчего не сказала мне прежде?

– Не могу я, руки, ноги, рассудок, все не слушается меня, я словно другой становлюсь, когда он рядом.

– Так это и сегодня был он? И куда же он делся?

– Он является и исчезает незаметно, словно растворяется. Он говорит, как обычный человек, только голос его странный и...

Княгиня хотела сказать, что в особые моменты он превращается в настоящего змея или беса, но вовремя остановилась, ведь пришлось бы подробнее рассказывать мужу об этих «особых» моментах. Уж лучше бы этого избежать!

– И давно это стряслось?

– С тех пор, как ты в Рязань уезжал. Я хотела сказать тебе, да боялась. А теперь вижу, доведет он меня до смерти!

Княгиня опустила голову и расплакалась.

Князь сразу поверил рассказу жены, ибо никогда не имел повода не доверять ей. И состояние ее, и волнение, слова – все внушало доверия. Он хотел еще о многом расспросить ее, да пожалел, к тому же опасался услышать такое, что могло бы навсегда лишит покоя. Надо было думать, как помочь ей, что предпринять. Если это действительно посланец дьявол, так просто с ним не справиться. Прогнать его невозможно, поймать – тоже нельзя. Поставить рядом с постелью постоянную охрану – так ведь он является в его собственном облике, как смогут слуги различить подлинного князя от фальшивого, если сама супруга не смогла этого? Не прикажешь же им прогонять самого себя! Да и как слугам рассказать, что к его жене, к княгине в опочивальню является сам змей-искуситель? Даже духовнику о таком говорить неловко. Конечно, можно было бы тут, в постели у жены, и самому сидеть день и ночь, караулить, только мало ли чего еще эта нечисть придумает?

Наконец, после напряженных размышлений, князю явилась здравая, на его взгляд, мысль.

– Так, стало быть, он беседует с тобой? А ты можешь спросить его, смертен ли он? Если так, попытайся узнать у него, отчего он может погибнуть?

Княгиня поняла вопрос, подняла голову, приостановила плач, отерла слезы краем одеяла.

– Я постараюсь!

Ее порадовало, что муж не мучил ее расспросами, а хотел на самом деле помочь.

Страшный гость не заставил себя долго дожидаться. Он уже чувствовал себя в тереме княгини, как дома, хотя, вполне возможно, он и везде вел себя так же. Разлегшись на кровати под балдахином, где он появился сразу же, как вышла служанка, следил глазами, как

хозяйка, перекрестившись и пошептав молитвы, завесила плотным кружевом иконы в переднем углу, задула большие свечи, сбросила на стоящую рядом с постелью широкую лавку верхнюю накидку. И лишь собравшись лечь в постель, увидела в ней гостя, да так и замерла с протянутой к одеялу рукой. Таким манером он явился к ней впервые.

– Да ты совсем осмелел, гость незванный, – проговорила она сдержанно, помня наставления мужа.

Княгиня не забывала о них ни на минуту, постоянно прикидывая, как лучше и надежнее выведать у беса тайну его смерти. Однако помнила, что, едва прикоснувшись к нему, или даже встретившись с ним взглядом, тут же попадет в сладкий плен и забудет все свои придуманные хитрости и расспросы. Ее уже начинало влечь к нему в объятия и становилось жалко: вдруг, действительно, узнав его тайну, она навредит ему? А он, почувствовав ее волнение, уже зашептал призывно:

– Так иди сюда, иди, что ты медлишь...

– Какой ты нынче торопливый, – ласково сказала княгиня, не глядя на гостя и делая несколько шагов назад, к туалетному столику. – Сейчас приду, я только масло ароматное на руки нанесу.

– Ты и так мне нравишься, без масла, – добродушно хмыкнул гость.

Княгиня села перед зеркалом, начала раскладывать только что убранные склянки и деревянные емкости с маслами, примочками и притирками.

– Скажи, а у тебя много таких подружек, как я? – спросила она, открывая наугад первую попавшуюся под руки посудину. В ней оказался вареный с маслом настой ароматных целебных трав, напоминающий по запаху церковное миро.

– Неужели ты меня уже ревнуешь? – хохотнул своим противным тихим рокотом гость. – Не ожидал такого успеха. Впрочем...

Он прервал свою речь и принялся.

– О, нет-нет, только вот этого масла не надо! Меня, конечно, ладаном не напугаешь, но если хочешь доставить мне удовольствие, то избавь. Я предпочитаю запахи розы, ночной фиалки, бергамота. А знаешь, как чудно пахнут по ночам цветущие апельсиновые сады! О! Этого не расскажешь!

Он потянулся в ее постели и призывно простонал.

– Да скоро ли ты? Я уже заждался.

– Не спеши. Садов апельсиновых у меня нет, а вот запахом розы могу ублажить.

Княгиня достала флакон со свежим розовым маслом, которое также как и многие другие заморские товары приобреталось у иноземных купцов в Новгороде Великом. Неторопливо помазала лоб, шею...

– Скажи, а долго длятся твои привязанности к земным женщинам? Как скоро я могу тебе наскучить? – вернулась она к цели своей беседы.

– Как и у вас, у людей, по-разному. Но ты не волнуйся, я не ветреный, мои привязанности длительные, порой до... Ну, в общем, до конца.

– До смерти, хочешь сказать? До моей, конечно? Ты же бессмертный?

Она постаралась задать этот вопрос беззаботным голосом, но от честного его ответа о «конце» по ее спине пробежал холодок, и ее зазнобило, хотя спальная была хорошо протоплена.

– Отчего же я бессмертный? Все на свете имеет конец. Ну, почти все. Даже строптивые, согрешившие ангелы низвергаются на землю, искупают свой грех в теле человека, или хуже того. А здесь, на земле, могут и умереть, и погибнуть, как простые люди. Мы, гм, ну, в общем, представители иного света, тоже смертны. Хотя конечно, не столь беззащитны, как вы, люди. Мы не ведаем, когда погибнем, но некоторые из нас знают причину своей смерти, могут победиться.

– Неужели это можно знать? И как можно уберечься, если предначертано свыше?

– Свыше? Ха-ха!

– Что же, и ты можешь умереть?

Княгиня постаралась вложить в свой вопрос как можно более нежности и тревоги. Это польстило гостю. Он поспешил утешить ее:

– Иные из нас живут долго, столь долго, что ты и представить не можешь. А я еще совсем молодой!

– Стало быть, ты не ведаешь причину своей смерти, раз молодой.

– Отчего же? Я как раз знаю.

Княгиня замерла, ожидая, что гость сам продолжит рассказ, раскроет ей тайну, но он замолчал, о чем-то задумался. Тогда она попыталась снова:

– Как это можно знать? И кто об этом тебе рассказал?

– А никто. Случается, если какой вопрос меня весьма тревожит, я начинаю его себе повторять, искать ответ, и он в голове сам является. Порой даже и не понимаю его. Я, к примеру, знаю, что погибну от Петрова плеча, от Агрикова меча. А кто этот Петр, что это за меч, где он находится?... Знал бы, и Петра того, и меч его в порошок стер. А вот на эти вопросы ответ мне никак не является.

Гость разволновался, привстал с постели, протянул руку в сторону княгини. Медленно с придыханием позвал:

– Иди, иди сюда, хватит размышлять о грустном!

Она снова ощутила, как чудовищная сила потянула ее к этой руке, к лицу и телу, которые были одновременно знакомыми и чужими, манили и отталкивали, доставляли восторги страсти, удовольствие и толкали к могиле. Ее подняло со стула, однако она еще попыталась продвинуться к выходу, сделала назад два шага, но больше не смогла сопротивляться, успела лишь мысленно дважды повторить:

– «От Петрова плеча, от Агрикова меча! Не забыть бы!»

Утром у княгини не было сил идти в храм и к завтраку, она выпила лишь вишневого киселя и попросила пригласить к ней супруга. Он заметил, что она за ночь еще более исхудала, под глазами ее расплылись огромные синие круги. Князь взял жену за руку, которая была холодна. Приказал протопить печи, хотя на улице уже во всю мощь разгулялась весна, и солнце днем прогревало воздух до летнего тепла.

– Я узнала, – словно заговорщик прошептала она. – Смерть его придет от Петрова плеча, от Агрикова меча. А что это такое и где, – он и сам не знает.

Князь был в смятении. Он погладил руку жены, поцеловал в лоб, сделал распоряжения прислуге, чтобы не отходили от жены, чтобы поили ее целебными отварами, пригласили лекаря, посидел немного подле нее и пошел в свой терем. Он уже понимал: жена попала в беду, ее надо срочно спасать.

* * *

На улице выдался первый по-настоящему теплый весенний день. Впервые за долгое время на небе во весь день не показалось ни единого облачка, и солнышко потрудились изо всех сил. Капли дружно скатывались с крутых теремных и церковных крыш, плюхались со звоном и брызгами в лужи, оттуда же, сверху, то и дело съезжали целые пласты размокшего снега. Приходилось осторожничать, чтобы не схлопотать снежную оплеуху и не промокнуть враз до нитки. Князь Петр примчался в Муром из своего загородного имения по срочному вызову старшего брата князя Павла. На коне подъехал к самому крыльцу княжеского терема и, не доглядев, спрыгнул прямо в лужу, окатив снежной водой свои новые сафьяновые сапоги и подол кафтана. Его слуга – боярский сын Федор, еще сидевший верхом, даже глаза зажмурил:

«сейчас господин разозлится», да ошибся. Молодой Петр был опьянен первым ярким солнцем, весной, теплом, все ему было в радость.

Ему только что стукнуло двадцать, он лишь начинал по-настоящему познавать жизнь, независимость, власть, впервые учился хозяйствовать в своем селе, доставшемся по наследству от покойного отца, впервые вырвался из-под опеки старшего брата. Как оказалось, ненадолго – не прошло и недели, как Павел вызвал его к себе. Князь Петр и сам уже хотел повидать родных, оттого даже обрадовался случаю вернуться в Муром. Дорога еще не оттаяла, промерзшая земля держала лед и крепость, потому удалось доехать без особых приключений, не считая злополучной лужи. Тут, в самом детинце, у него стоял собственный терем, прежде принадлежавший покойной матери, но он не стал заезжать к себе – помчался напрямик в терем брата.

Князь Муромский Павел после разговора с женой два дня ломал голову над загадкой, что же это такое – Агриков меч? Если Петрово плечо еще поддавалось какому-то объяснению, то этот меч совсем сбивал его с толку. Он позвал к себе старых бояр, поспрашивал своих новых молодых советников, поговорил с владыкой архиепископом и с духовником. В результате выяснил, что существовал такой легендарный воин – Агрик, который имел большое количество разнообразного волшебного оружия. Но никто никогда этого оружия не видал.

От безысходности Павел все чаще думал о младшем брате. Кто его знает, может, неслучайно имя Петра упоминалось в дьявольском откровении? К тому же брат был единственным, кому можно довериться и открыть свою семейную тайну, попросить о помощи. Тот хоть и был молодым и порой беззаботным, зато слыл отважным, умелым воином, мог шутить, смеяться, устраивать розыгрыши, но когда надо, становился серьезным, мог дать добрый совет, в котором чувствовались ум и дальновидность. Наконец, Павел решил послать за ним. Сам же почти безотлучно находился подле жены, ночевал с ней рядом.

На третий день княгине полегчало, она повеселела, начала вставать, отстояла в храме воскресную литургию. Князь порадовался за жену и вновь остался спать у нее, надеясь таким образом спасти от возможного дьявольского вторжения. Но на этот раз он не сомкнул глаз. Всю ночь ему мерещилось жуткое шипение, было неопишимо страшно, хотелось вскочить и бежать без оглядки. Жена тоже металась во сне, стонала, а, просыпаясь, с недоумением рассматривала его, потом спрашивала, любит ли он ее. Наутро князь чувствовал, что еще одной такой ночи он не вынесет.

Увидев младшего брата, князь обрадовался ему, словно спасителю. Не откладывая, рассказал о семейном несчастье. Улыбка медленно сползла со счастливого лица Петра. Он перекрестился на образа и опустился на стул рядом с Павлом.

– Ты знаешь, брат, мне жизни для тебя не жалко. И сноху я люблю, как сестру родную. Но что же я могу сделать для вас?

Услышав, что змею суждено погибнуть от Петрова плеча, юный князь без колебаний воспринял это на свой счет. Раз злобному змею предстоит умереть от рук человека с его именем, стало быть, этот человек он и есть. И он готов вступить в рискованный бой с нечистой силой, чего бы это ему не стоило. Вот только где взять необходимый для такого сражения Агриков меч?

Прямо от брата Петр отправился в соборный храм Пречистой Богородицы, где усердно помолился Господу и Его Матери, просил подсказать ему, как победить злодея. Затем, переодев испачканное в дороге платье, отправился в любимый им загородный женский монастырь, чтобы еще помолиться в тишине, сосредоточиться. Князь часто ходил в одиночестве по храмам, он верил в силу усердной молитвы и не раз прибегал к ее помощи, поражаясь, порой, тому, как быстро откликается Господь на его призывы.

Взяв с собой лишь своего слугу – боярского сына Федора, князь отправился за город верхом, возле ворот обители передал слуге поводья и напрямик пошел в любимый им монастырский храм Воздвижения Честного и Животворящего Креста. Тут князь не раз уже получал

откровение, мысленный совет как быть в горестные минуты. Трудностей же ему хватало. Как ни любил его старший брат, а заменить рано умерших родителей не мог. А сиротство – оно и у князя горькое. Оттого не раз обращался Петр к Господу за утешением, хотя и был по натуре человеком радостным.

Перекрестившись перед входом и поклонившись до земли, князь тихо вошел внутрь, почтил иконы, стоящие в притворе, прошел в среднюю часть. Как Петр и мечтал, внутри никого не было, литургия недавно завершилась, инокини, не занятые на послушании, разошлись по кельям на отдых. Храм был намоленным, душа князя чувствовала себя здесь счастливой, размягчалась, набиралась сил. Он постоял перед алтарной преградой, по очереди поклонился каждой иконе, надолго задержался подле отображения Матери Божией, просил у нее милости для себя и для несчастной княгини. Обернувшись, увидел, что рядом стоит светлолицый отрок, который улыбнулся ему и спросил:

– Княже! Хочешь, я покажу тебе Агриков меч?

Это было очередным чудом, Господь снова откликнулся на его мольбу. Петр поспешил за отроком, который привел его к алтарной стене, где в малоприметной щели меж плитами он увидел лежащий меч. Теперь уж он был совсем уверен, что именно ему предстоит сразиться с нечистой силой. Осталось лишь найти подходящий случай.

Завернув меч в плащ-накидку, князь передал его слуге Федору, вернулся побеседовать с немолодой и мудрой игуменьей, получил ее благословение, затем остался на вечерю. Домой вернулись еще засветло, и князь поспешил к брату – рассказать о находке. Весть несказанно обрадовала Павла, который ближе к вечеру совсем упал духом: он никак не мог принять решение, где ему провести предстоящую ночь: у себя или у жены.

Приободрив брата, Петр поспешил поприветствовать и сноху, пожелать ей спокойной ночи, чтобы затем наконец-то отправиться в свой терем – отдыхать после столь насыщенного событиями дня. Но в покоях княгини, куда он прошел от брата по специальному утепленному переходу, его ждало очередное потрясение: рядом с ней, в кресле, он увидел князя Павла, от которого только что вышел. Такое с ним уже случалось однажды, но тогда случай был сомнительный, теперь же, Петр был уверен, что нигде не останавливался, торопился.

Чтобы не выдать волнения, князь, не отходя от двери, издали поклонился им, пробормотал приветственные слова и так же, как вошел, не поворачиваясь, шагнул назад. Уже в переходе прислонился к стене, соображая, что делать, и в этот момент увидел своего слугу, который так и ходил за ним, держа в руках завернутый в плащ Агриков меч.

– Не видел ли ты князя Павла поблизости, не проходил он мимо?

– Да нет, – протянул Федор. – А что? Мы ж только от него?

– Тогда стой здесь и смотри в оба глаза, не появится ли откуда князь. За мной не ходи, я сам сейчас буду обратно. Понял? – тихо, но серьезно и твердо спросил князь.

– Чего уж тут не понять? – удивился Федор. – И глядя вслед поспешившему князю Петру, тихонько добавил, – А вообще-то непонятно...

Брат сидел на том же месте, где его несколько минут назад оставил Петр.

– Ты не выходил из палаты после моего ухода? – на всякий случай спросил он, хотя уже знал ответ.

– Нет, – поднял грустное лицо от стола князь Павел. – Что-то стряслось?

– Я видел его!

– Кого? – удивился старший брат волнению младшего. И тут же понял, о чем речь. – Ты видел рядом с княгиней меня?

– Именно так, как ты догадался?

– Супруга мне говорила об этом. Что-то надо делать. – Павел сдвинул брови и, закрыв лицо рукой, мучительно охнул.

– Я знаю, что делать, брат, мы оба знаем, не волнуйся. Только прошу тебя, сиди здесь, в своей палате, не выходи за дверь, пока я сам сюда не приду. Или... Или пока мой слуга не придет. Понял? Не выходи, это опасно для тебя. Я пойду биться с врагом нашим, с лукавым змеем! – сказал он торжественно. Надеюсь, Господь мне поможет!

– Береги себя! – Павел поднялся, чтобы обнять брата, но тот уже скрылся, старательно закрыв за собой тяжелую дверь.

Вернувшись к слуге, который так и стоял в недоумении недалеко от входа в палаты княгини, Петр забрал у него меч, развернул его, плащ бросил слуге:

– Не отходи от двери, никого внутрь не пускай, даже и самого князя Павла! – и скрылся за дверью.

В это время страшный гость княгини уже вполне вскружил ей голову своими чарами. Только что она уговаривала его уйти сегодня, ибо вот – вот мог явиться к ней настоящий супруг, на что дьявол возражал, что и так долго ждал и больше не желает, что достаточно запугал ее мужа, который вряд ли захочет провести еще одну ночь без сна. Игриво прибавлял своим хриплым голосом, что, коли супруг все-таки забредет пожелать ей спокойной ночи, то, так и быть, они ненадолго отвлекутся! Наконец, лукавый увидел, что она готова уже забыть и про мужа, и про опасности и поспешил к выходу, чтобы не отвлекли, запереть входную дверь. Но в этот момент та отворилась, и в нее стремительно ворвался князь Петр. Меч его был наготове, отваги и решимости хватало. Не давая опомниться расслабленному чувствами и уверенному в своей неуязвимости мнимому князю Павлу, он поднял меч и со всей силы отсек ему голову. Раздался жуткий рык, темная кровь брызнула во все стороны, попала на руки и лицо князя Петра, обожгла его, словно это была не кровь, а раскаленные уголья. Сначала голова, а следом за ней тело сраженного змея рухнули на пол, теряя человеческий облик, превращаясь в жуткое мохнатое чудовище, которое в свою очередь начинало растворяться в пространстве и вскоре исчезло. Мало того, пропала даже кровь с меча и с самого князя. Однако остались на его руках и лице странные, похожие на язвы раны.

Не глядя на застывшую в ужасе княгиню, князь Петр вышел вон из ее палат, отдал слуге меч и поспешил обрадовать брата победой.

Язвы, нанесенные князю Петру змеиной, бесовской кровью не заживали. Напротив, они расплзались по телу струпами, ныли, чесались, становились глубже и все болезненнее. Приглашенные к князю лекари и целители со всех краев Муромской земли, испытав свои средства и снадобья, лишь разводили руками: улучшения не наступало. Дело дошло до того, что князь уже не мог ездить верхом на коне, с трудом ходил. Жизнь его превратилась в мучение.

Глава II

На земле Рязанской

Прослышал князь Петр, что хорошими лекарями славится соседняя Рязанская земля. Приказал слугам запрячь лошадей в просторный возок, где ему устроили удобную лежанку, взяли с собой все необходимое для похода: шатры, постели, пищу, дружину для охраны и большим обозом отправились в путь.

Время для такой поездки выдалось замечательное – теплый и солнечный конец июня. В пути князь нередко перебирался на обычную телегу и лежа смотрел на плывущие по небу облака, вдыхал запахи цветущих лугов, а вечерами любовался разноцветным закатом, – все это хоть немного отвлекало его от страданий.

Прибыв в пределы Рязанского княжества, расположились в шатрах рядом с небольшим монастырем, разожгли костры. Сразу же князь Петр отправил вестника с поклоном и приветом к местным князьям, а затем разослал во все стороны слуг на поиски лекаря. Первые дни результатов не дали. Два-три местных целителя, осмотрев князя, предлагали свои снадобья, но исцеления не обещали. На третий день прибыли посланники и лекарь от князя Рязанского Игоря Глебовича, который приглашал в гости. Но страдалец не хотел пугать дальних родичей болезненным, отталкивающим своим видом, показывать свои муки, оттого предпочел оставаться на месте. Врач рязанского князя, осмотрев страдальца, тоже развел руками.

Еще через день один из привезенных целителей, показав рукой на заходящее солнце, посоветовал:

– Там, за рекой, в селе Ласково живет девица чудная, дочь древолаза, бортника. Сказывают, травы она хорошо знает, от бабки-мамки научилась, а из тех трав мази целебные делает. Коли рана от оружия – сразу заживает. А поможет ли князю – не знаю. Зовут девицу, кажется, Феврония.

– А почему ты называл ее чудной? – поинтересовался любимый слуга князя, боярский сын Федор.

– Да люди так говорят, сам-то я не видывал ее.

Испросив у князя Петра разрешения, Федор отправился на поиски села Ласково. Долго скакал он по тропинке вдоль реки, мимо лесов и кустарников, нашел место переправы, немного поплутал, забредя в ненужную деревушку из трех усадеб. Но, сказывают, язык до Киева доведет, довел он и Федора до нужного места. В самый полдень, выбравшись из густого леса на холм, прикрывая рукой глаза от солнечных лучей, разглядел он на противоположном склоне светящийся купол храма с крестом, да десяток стоящих в ряд дворов, утопающих в зелени деревьев.

Неподалеку от крайней избы спешил, желая поначалу спросить, в котором из домов обитает нужная ему девица Феврония. Огляделся. Деревня словно вымерла. Лишь кое-где щебетали птицы, занятые дневными трудами, да на все голоса стрекотали кузнечики.

Федор прошел по сочной яркой траве вдоль высокого забора, стукнул ладонью в ворота, они приоткрылись. Он вошел вместе с конем внутрь двора, привязал его к специальному столбу и двинулся к просторному добротному дому. Дорожка была выложена чистыми досками, трава вокруг аккуратно скошена. За домом виднелись хозяйственные строения, где-то там закудachtала курица. Все говорило о том, что двор обитаем, и хозяева его не бедствуют.

Поднялся на высокое крыльцо, отер пот со лба, отряхнулся, поправил кафтан, постучал в дверь. Не дождавшись ответа, вошел. Это были сени, в которых стояли высокие лари для зерна и муки, сушились пучки трав, лежала всякая домашняя утварь. Следующая дверь вела в кухню и горницу. Федор распахнул ее уже без стука и увидел дивную картину: посередине

горницы сидела на невысоком деревянном стульчике юная красавица и ткала на небольшом станке холст, а перед нею скакал заяц. Заплетенная по-девичьи ее густая светло-русая коса доставала до пола. Услышав, что отворилась дверь, подняла от работы яркие небесного цвета глаза, удивилась неожиданному гостю:

– Плохо, когда дом без ушей, а горница без очей, – сказала она строго, но глаза ее светились добротой.

«Чудная какая-то», – подумал Федор, хотя девушка ему понравилась. Он поклонился ей и, понимая, что неприлично находиться в чужом доме, да ещё и наедине с незнакомой девицей, спросил:

– Есть ли тут какой человек мужского пола? Или покажи, где живет. Мне бы поговорить...

– Отец и мать мои пошли займы плакать, а брат мой отправился через ноги смерти в глаза глядеть.

На этот раз Федор уже не стал скрывать своего изумления. «Либо девица с приветом, либо я простак», подумал он и озадаченно почесал свою макушку:

– Ни единого твоего слова не понял! – сказал ей честно.

– Да чего ж тут не понять? – вдруг почти весело и радушно воскликнула она. – Ты вот неожиданно вошел в мою горницу, да меня врасплох застал, в неприбранном виде. А был бы в нашем дворе пес, он бы издали тебя почуял, стал бы лаять, предупредил меня, – это и есть дому уши. А был бы в доме ребенок, отрок, он бы во дворе играл, увидев тебя – в дом забежал, сказал бы, что гость к нам спешит. Вот и выходит, что дети – это очи дома.

Девица отложила свои коклюшки на станок, отряхнула передничек, пригладила волосы и вновь посмотрела ласково на гостя сияющими глазами.

Тот смутился. Он понял, что поступил бестактно, не постучав в двери, и юная хозяйка своими прибаутками, таким образом, тонко намекнула ему на оплошность.

– Еще я тебе сказала, что мой отец с матерью пошли займы плакать. Так это совсем просто понять. Значит, пошли они на похороны и там покойника оплакивают. А им конец придет – другие станут по ним слезы лить. Стало быть, ныне они свои слезы займы отдают. Теперь понятно?

Федор лишь кивал головой, удивляясь затейливому уму девушки. А та приподнялась от станка, сняла со стройной фигурки передник, поправила юбку и предстала перед ним во всей своей внушительной красе. Он даже оробел, ибо не ожидал встретить в селе такого совершенства.

– А что ты про брата хотела сказать? Будто он пошел сквозь ноги на смерть смотреть. Как тут понять?

– Это еще проще. Братец мой, как и отец, бортник. За медом порой приходится на высокие деревья забираться. И постоянно быть осторожным, вниз, на землю поглядывать. Ибо, упав, можно насмерть разбиться. Такое случается. Теперь-то понял?

– Да уж как теперь не понять! Мудра ты не по летам! А как зову-то тебя, красна девица? – спросил он, и подумал: «на такой и жениться бы не грех, хоть она и селянка».

– Зовут меня Февронией, – представляясь, девушка изящно склонила свою русую головку.

– Так ведь тебя я и ищу! – обрадовался Федор. – Я слуга муромского князя Петра Георгиевича. Мой господин тяжело болен, тело его покрыто язвами и струпиями от крови нечистого змея, которого он сразил. Многие наши местные лекари пытались вылечить его, да без толку. Приехали мы сюда, на рязанскую землю, так как слышали, будто здесь есть хорошие целители. Да пока и тут толку мало. Может, ты знаешь, как князя вылечить?

Феврония внимательно выслушала гостя, подошла к окошку, поглядела на небо, сосредоточившись, задумалась, да так, что на ее высоком открытом лбу образовалась тоненькая поперечная морщинка. Затем, словно получив ответ, сказала:

– Князя твоего мог бы вылечить лишь тот, кто потребует его себе.

– Опять ты, красавица, загадками говоришь! – обиделся Федор. – Кому и зачем надо требовать моего князя себе. Если кто излечит его, тому он даст много богатства. Ты мне лучше скажи, сможешь ли ты, или какой другой лекарь в вашем краю излечить моего господина? Да покажи к нему дорогу.

Феврония снова задумалась ненадолго, подняла на Федора свои небесно-голубые глаза:

– Так приводи своего князя сюда. Если он будет чистосердечен и смирен в ответах и поступках, то будет здоров!

Узнав от Федора все подробности его встречи с Февронией, князь приказал везти его к ней. На рассвете тронулись в путь и на исходе утра были уже вблизи дома бортника. На окраине села установили шатры, и вновь князь послал к Февронии своего слугу. Тот прошел по знакомому уже двору, постучал в дверь горницы. Девушка ждала гостей. Платье ее было нарядным, расшитым по шее, рукавам и подолу сложным узором с речным жемчугом и блестящими нитями.

Федор низко поклонился молодой хозяйке и сообщил, что князь его прибыл и готов к лечению. Напомнил, что если она действительно сможет исцелить его, то получит щедрую награду.

Феврония, приподняв голову, внимательно посмотрела в лицо Федора, встретила с ним взглядом, отчего он, вдруг, оробел, а она, нимало не смущаясь, твердо сказала:

– Я хочу его лечить, но не могу принять от него никакого богатства. А слово мое таково: если я не стану супругой его, то не положено мне и лечить его.

Вернувшись в шатер, где князь возлежал на походной кровати и готовился к обеду, Федор подробно передал разговор с Февронией.

Князь готов был на все, чтобы скорее избавиться от страданий. Он готов был отдать половину своего богатства, села, слуг. Но жениться на дочери бортника?! Даже если она, судя по мнению слуги, умненькая и хорошенькая? Ему, князю, прямому потомку святого Владимира – Крестителя жениться на простолюдинке? Смешно даже думать об этом! Но если девица ставит такое условие – можно пообещать. Подумаешь! Ну, не исполнит он обещание, – и что случится? Князья вон клятвы дают отцам своим, друг другу, – и тут же нарушают их, враждуют, дерутся за города, убивают один другого. И ничего – живут и здравствуют! Есть с кого пример брать! К тому же не очень-то и верится, что она так запросто его вылечит. Уж более десятка лекарей пытались сделать это, а ему все хуже. Впрочем, выбора нет, надо попытаться. Конечно, врать не по-божески. Хотя обещание – это же не клятва!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.